

Отрывки рассказов из деревенской жизни. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

Отрывки рассказов из деревенской жизни. Лев Николаевич Толстой

1

Все говорят: не делись, не делись. Терпи, а не расходишься. Что поделился, то разорился. Так и старики говорят, в старину не делились богаче жили; так и мир судит, чтобы больше двойников или тройников было; было бы кому мирское дело потянуть; так и господа начальство судят. Особенно старые господа. Как кто делиться вздумает, посекут обоих, да и велят опять вместе жить. А опять придешь, опять то же будет.

А настоящее дело, другой раз дележ баловство, а другой раз не миновать делиться, брату ли с братом или отцу с сыном. Что больше вместе жить, то греха больше. Все больше от баб, говорят, дележ бывает. Другой раз и не от баб, да не миновать делиться. Так-то с Сергеем Резуновым было.

Остался Сергей после отца сиротой, всего годочков 6 от роду. Прозвище его настоящее Трегубой; так его отца звали, а уж Резуновым он по вотчиму называться стал. Отчего Трегубой помер, бог его знает; говорили старухи умные (они все знают, старухи), говорили, что его в Саламатине баба испортила, только не верю я что-то бабам, а должно, простудился, горячка или другая болезнь от бога была. Мужик он был одинокой, бедный, остались после него молодая вдова, да трое сирот, Сережка да две девочки. И помер-то в самое голодное время перед осенью. Хоть по миру иди. Спасибо, господские были, хоть плохи-плохи, а сходила к приказчику, велел отсыпное выдавать, на вдову два пуда да на детей полтора.

Кто Сергея Резунова знал большим, старым, тому трудно подумать, какой он был маленьким Сережкой. Старый Сергей был мужик аккуратный, не высокий, не малый и не худощавый, не толстый, а середка на половине. Волосы на голове были русые, не курчавые, так мочалками висели, все в глаза попадали; борода была небольшая, клином, на щеках вовсе волос не росло, и когда я его знал, то уж много седых волос было; нос был загнутой крюком, и поперек и под глазом шрам был, еще мальчиком топором разрубили; рот был небольшой, аккуратный: как засмеется, <бывало, так всем весело станет;> зубы белые, ровные. Только смеялся он не часто, нечто когда выпьет, а то больше мужик серьезной был. Засунет, бывало, персты большие за кушак: "ну что, милый человек", - такая у него поговорка была, и что ему ни скажи, всякое дело разберет и докажет.

Так кто его таким-то знал, тому трудно подумать, какой такой был Сережка-сиротка, когда его еще от земли не видать было.

А был он маленькой, белоголовый, пузатый парнишка, и повеса был, за то и много его тогда мать била. Нужда, горе, а тут еще дети. Прибьет, бывало, с горя, а потом и самой жалко.

Вот в те-то поры, когда еще его от земли не видать было, помнит он, что пришел к ним раз в избу сосед, дядя Федор. Дело было осенью, с хлебом убрались, народ дома был. Пришел дядя Федор пьяный, ввалился в избу: "Марфа, а Марфа, - кличет, - иди угощай меня, я жених пришел". А Марфа на выгоне замашки стелила. Сережка играл с ребятами на улице, увидел дядю Федора, за ним в избу пошел, через порог перешагнул, а сам руками за него ухватился, такой еще малый был.

- Кого тебе, дядюшка?

- Где мать?

- На старой улице замашки стеле.

- Беги, покличь ее, я тебе хлебца дам.

- Не, не дашь, ты намеднишь Ваську побил.

- Беги, кличь маму, постреленок, - да как замахнется на него. - О! убью, трегубое отродье! - да как закотит глаза, да к нему. Пошутить, что ли, он хотел, только Сережка не разобрал, вывернул глаза, глянул на него, да опять на четвереньках

Отрывки рассказов из деревенской жизни. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru через порог! да в переулочек задворками через гумно, да на выгон, только босые ножонки блестят, как задрал, а сам ревет, а сам ревет, точно козленка режут. – Что ты, чего, сердешный, – бабка встретила, спрашивает; так только глянул на нее, еще пуще взвыл, прямо к матери: подкатился к ней клубочком, уцепился за паневу и хочет выговорить – не может, как что душит его.

Марфа глянула на него, видит – плачет.

– Кто тебя? Что не сказываешь? Кто, говорю?

– Мамушка!.. Трегубой... сказал... убить хоче... пьяный такой... к нам... нам в избу зашел... – А сам паневу не пускает. Она его отцепит, а он за другое место перехватит, как колючка какая. Рассердилась баба, ей немного уж достелить оставалось, пошла к пучку, а он на ней висит. Прибила опять. Кто тебя, сказывай, – говорит.

– Дядя Федор... в из... избу пришел... – уж насилу-насилу выговорил.

Как поняла мать, не доставши, толкнула его от себя, бросила, одернула паневу и пошла в избу.

А дело так было. Федор Резунов прошлой осенью сына женил и на него землю принял, а в зиму свою хозяйку схоронил. Вот он и ходил к приказчику, что, мол, тяжело без бабы землю нести, да и что годов ему много, не сложат ли землю. "Я, – говорит, – и без земли вашему здоровью рад стараться. Какая плотницкая работа будет, все могу сделать". Мужик на речи ловкой был, хоть кого заговорит. Да не поддался на этот раз приказчик, говорит: "Ты еще молод, всего сорок два года, а что жены нет, так у нас невест не искать стать, вон Трегубая Марфутка-вдова, таковская по тебе, старику". Так-то дело и порешили, и Марфу призывали, и старики сказали, что дело. Вот Федор-то с утра, заместо на работу, в кабак пошел с проезжим извозчиком, а теперь сам сватать пришел. Как у них там дело было, бог их знает; Марфутка поплакала, поплакала, походила, поклонялась, а конец делу был, что перед покровом обвенчали.

Как пошла от него мать, Сережка лег на брюхо и все кричал, до тех пор пока мать было видно; как зашла она за плетень, он перестал, повернулся на бок и начал обтирать слезы. Руки все замочил. Обтер об землю и опять за глаза – все лицо вымазал. Потом взял сухую былинку и стал ковырять ей по земле: выкопает ямку, да туда слез, а не достанет, – поплюет. И долго тут на выгоне лежал Сережка и думал свою думу о матери и дяде Федоре и о том, за что его дядя Федор убить хотел и за что мать прибила. Он припомнил все, что знал о матери и дяде Федоре, и все не мог ничего разобрать. Помнил он, что мать ездила в трицу к обедне, и из церкви вывела его и села у богадельни под навес с кумом, и говорила многое о Федоре, о муже, о детях. Помнит он, что кум все приговаривал одно: "Тетушка Марфа! сводные дети – грех только", – и что мать говорила: "Что ж, коли велют". Потом помнит, что мать ходила на барский двор, пришла оттуда в слезах, и побила его за то, что он на лавке лежал, и в этот же вечер сказала ему, что вот, дай срок, Федор Резунов тебя проймет, – и тут же стала целовать его и выть.

Потом помнит, что девчонки дразнили его Резуновым пасынком, и хотя он не понимал, к чему клонило, он плакал, слушая их. А тут еще сам Федор убить хотел. Во всем был Федор, и он ненавидел его. Он стал думать, как бы ему известить Федора; убить? отравить? испортить? – Тут девчонки с хворостинами, загоняя скотину, вышли из-под горы. – "Что, али вотчим Федька побил?" – Он молчал, они потрогали его. Он схватил камень и пустил в них – девки стали прыгать и кричать. Он бранился, потом заревел. Бабы прогнали девочек. Старшая, Парашка, прошла с скотиной. "Чего ты?" – Сережка разревелся и рассказал, как хочет погубить. Парашка сказала, что испортить надо. "Пойти к дедушке Липату". Страница пришла. Они ей открылись, она научила терпеть. Мать погнала скотину загонять. Уложила спать, за нее завалился.

После покрова женили. Сережка видел, как одели мать, как она выла, как пили мужики, и его к ним перевели. Девчонка злая Резуновых, мокрая. Раз пришел домой пьяный Резунов. "Зачем обед не готов?" – "Ты не велел ждать, и мы поели". – "Ах ты, такая-сякая, трегубое отродье накормила. Известно, так вот я убью его", – схватил топор, да на Сережку. Сережка обмер: "Батюшка, дай помолиться". Терпеть
.....

2

"Али давно не таскал!" – сказал мужик с обмерзлыми сосульками на бороде и усах, входя вечером в избу и обращаясь к бабе. Он только что поскользнулся в сенях и едва удержался о притолку. "Опять налили сенцы, идолы!" – "А ты ушат починил, что ли? – сказала баба. – Ноне бабы 5 раз за водой ходили, что принесут, половина вытечет". – "Начинишься на вас, чертей. Космы повыдергаю, так не потечет". Мужик приехал из лесу не в духе: караульщик застал его накладывающим молодые дубочки, которые он срубил в господском лесе, и содрал с него на косушку. Кроме того, он поскользнулся. Баба видела, что дело плохо и лучше молчать.

Мужик молча разделся, поужинал с семьей. Сын, пришедший с господской молотьбы из села, за ужином рассказал новость. В риге сказывали – барин приехал. "О!" – сказал старик. – "Мужики гутарили, опять хочет землю отрезать. К посредственнику ездил. Михайла говорит, ничего не будить". "Какой Михайла?" – "Сидоров, – грамотный, что ли, он, – сказывал, ничего не будет, потому, – мужики свою планту не покажут, а когда царская межевка придет, тоды пуцай режут, – от царя землемер все укажет, всю землю отхватют господскую..."

Старик внимательно слушал, и бабы замолкли. Василий слыл за голову. "Потому, говорить, комедатраная [?] межевка пойдет, а на эвту согласия не сделают..."

Старик радостно усмехнулся. "С весны тож приезжал, – сказал он, – как маслил, небось дураков нашел, – с чем приехал – с тем уехал..." Василий продолжал: "Михаиле сказывал, барин-то старшину чаем поил, – слышь, хочет таперича всю землю в прущенту укласть. Старшина сказывал, мир очень обиждается". "Ох, господи, – сказал [старик], рыгая и крестясь, – креста-то нет на людях". И он вылез из-за стола. "Завтра сходку собрать велели", прибавил Василий. Через 5 минут лучина затухла, и 12 душ Семеновой семьи (так звали старика) захрапели в 7-аршинной избе.

Семен жил на хуторе, поселенном лет 15 тому назад в 5 верстах от села и состоящем из 4 дворов. Барин же остановился в усадьбе, в селе. Барин несколько месяцев тому назад неожиданно получил это имение в наследство. [Он служил] по другому имению (за 100 верст от этого) посредником, и посредником, заслужившим негодование дворянства. Он приезжал в первый раз весной с тем, чтобы облагодетельствовать крестьян и доказать, что, проповедуя уступки крестьянам, он сам и на деле готов их делать, – что ему было в особенности легко, так как он был богат, никому не должен, одинок, и имение это свалилось ему с неба. Он предлагал крестьянам перейти с барщины на оброк, оброк с излишней сверх надела землей полагал навсегда ниже Положения и, для того чтобы крестьяне всегда могли заплатить оброк, предлагал оставить барщинскую работу, только оценив ее в деньги, так что при этой оценке мужик с бабой, ходя на барщину, зарабатывал весь оброк меньше чем в полгода трехдневной барщиной. Мужики отказались и с радостью проводили уезжавшего и ничего не сделавшего помещика. "Что взял? С чем приехал, с тем и уехал..."

Теперь барин приехал опять с тем, чтобы покончить дело с этим имением, и, воспользовавшись.....

3

Прежде всех вернулись в деревню плотники. Это был сборный народ: рядчик был из города, а ребята, кто дальние, кто соседние, двое было из этой же деревни.

Плотники подошли к Родькиному двору (Родивон держал чай, вино и на квартиру пускал), поклади в амбар топоры и пилы и вышли на крыльцо и на улицу. Одни только <высокой, плечистый малый> Лизун не входил в сенцы, не вытаскивал своего топора из-за кушака и не убрал своей поперешной пилы и полусаженя, а прислонил их к углу иструба. Лизун сел на низкую завалину у избы, <так что высокие колени его доходили почти до плеч>, взял в свои загорелые и поросшие волосами руки соломинку, стал ломать ее и запел песню, так складно, громко, что две старушки у соседей высунулись посмотреть, кто поет. Ребята ждали хозяина к расчету, кто хотел домой идти на праздник, кто так деньжонок попросить хотел, а кто так посчитаться только. Лизун же поутру на работе повздорил с хозяином и вовсе хотел расчета. Накануне хозяин к начальству за деньгами в город ездил, а ребят Лизуну приказал; в субботу приехал, работа не показалась ему, стал ругаться: "Ты, мол,

Отрывки рассказов из деревенской жизни. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru с ребят магарыч взял, вы де мне двадцать пять рублей в день стоите, а ничего не сработали да дерево перерезали, оно мне пять рублей стоит". Все это было правда, ребята все знали, что они половину дня провели в кабаке, куда их свел Лизун.

- Коли ты рядчик, так сам смотри, а я твоей работы не испортил. Сам тебе укажу, как работать надо,- сказал Лизун. Да тут же про кашу сказал, что ребята голодные от обеда встают.

- Давай расчет; не хочу у тебя работать.

Лизун был малой молодой из Мисоедова, только второй год женат и впервой на стороне работал, а дела своего такой мастер, что хозяину указывал, и топором ли, долотом, пилой всякую работу мог сделать и потому в хозяине не нуждался. Один из плотников сел подле Лизуна. Лизун кончил песню и подмигнул.

- Так-то. Аль взаправду расчет возьмешь?

- А ты как думал,- сказал Лизун,- кланяться стану?

- Что ж, домой пойдешь?

- А что мне домой идти. Аль свет клином сошелся, что, кроме на мосту, работы нет.

- Вишь, мужик строиться хочет,- сказал он, показывая на Ермилину избу напротив, подле которой лежал изготовленный лес,- уж как просил, подряжусь, да и поставлю избу мужику, плотников найму. Я гляну, так знаю, как работу начать.

- Что и говорить,- сказал плотник. - Однако видно было, что мудрено это ему показалось, чтобы Лизун мог обнять такое дело.

Старик Ермил вместе с рядчиком подходили к Родьке.

- Вишь, кособрюхой черт,- сказал Лизун, отвернувшись, но когда мужики подошли ближе и поклонились, плотники тоже приподняли шапки, а Лизун свою новую поярковую шляпу.

Ермил рядил плотника построить ему маслобойню. Лизун проворно встал и толкнул локтем мужика; "не кончай, дядя Ермил, я дешевле возьму". Дядя Ермил оглянулся на Лизуна и на рядчика, который входил в избу. "Да ведь ты на мосту подряжен?" - "То на мосту, а теперь маслобойню построю, своих ребят мисоедовских приведу, против его дешевле возьму и как должно произведу". "Дело такое - известно,- сказал Ермил, вглядываясь в нового рядчика. Он не доверял ему, видно было. - Только не рядись, а я к тебе приду, спасибо скажешь".

- Ну что, Федюха, или деньжонок попросить хочешь? - сказал рыжий рядчик, когда Лизун, помолясь богу, подошел к столу и положил на него шляпу. Рядчик был в хорошем духе, и ему не хотелось отпустить лучшего работника. Он сидел за столом в переднем углу и, сняв обе руки с стола, запустил большие персты за кушак, чтобы не мешать хозяйке, собиравшей ему самовар и соскребавшей ножом перед ним. Он думал себе: "Малый молодой - пошалил. Ну, побранил, да и будет. А такого плотника не скоро найдешь". Но Лизун сейчас сметил, что можно понатянуть хозяина. Он, не глядя в глаза хозяину, взялся за кушак, повертел его на теле.

- Что следует отдай, Кузьма Кирилыч, с Миколы пять недель и шесть ден.

- Вот вы все так-то,- сказал Кирилыч,- чем бы тебе соблюсти хозяйское дело, чтобы прибавку получить, а вы как бы похуже; ведь обидно,- прибавил он, обращаясь к Ермилу. Он все еще хотел умастить Лизуна.

- Дело хозяйское,- отвечал Лизун. - Худо, так не надо. А на мой разум, лучше нельзя, как я работал. Как еще тебе работать? Уж я ли не мастер, я ли не старался, как для себя, так и для хозяина, так и ребятам говорил. Как работа спорится, так и работникам и хозяину весело.

- Известно, коли хозяину барышей не будет, то и работникам платить нечем. То-то глуп ты бываешь!

Отрывки рассказов из деревенской жизни. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
– Нет, брат, я не глуп, а я так умен, так умен, что поищешь.

– Мягко стелешь, жестко спать. Намедни съехал по дельцу в город, без себя этому молодцу приказал, – говорил рядчик, обращаясь к Ермилу, – так, веришь ли, в целый день только и добра изделали, чтобы два дуба перерезали, я их на сваи готовил, а они на перемета разрезали.

Еще двое ребят-плотников вошли в избу, помолились образам и сели на лавку под полати, дожидаясь своей очереди. Ермил встал и вышел.

– Считайтесь, считайтесь, а я ребят проведаю, с пахоты не приехали ль.

– Молись богу за сорок, – сказал рядчик, останавливая его и подставляя руку. Лизун подмигнул.

– Видно будет, завтра праздник, – сказал Ермил и вышел.

– Так-то, – сказал рядчик, разглаживая полотенце, которое постелила хозяйка. Лизун при ребятах стал говорить иначе.

– Вот что, Кузьма Кирилыч, твое дело, известно, хозяйское, а того ты не подумал, что с меня спрашиваешь, а жалованье мне наравне с другими платишь. Разве меня с Мишкой али Петрухой сравнять? Он плотник, и я плотник. А ему не прикажешь смотреть. Что он день проработает, то я до завтрака сделаю. Платить хочешь по семь гривен на день, а тоже спрашивать хочешь. Давай десять целковых на месяц, я тебе один всю работу изделаю, – как скажешь, так и сделаю. Хошь в месяц раз наезжай – ничего не испорчу. Так-то. Давай десять целковых, а по той цене я жить не стану.

Рядчик просил Лизуна остаться подешевле, хотел его словами закидать, но Лизун его закидал еще ловчее. Рядчик сердился, и Лизун сердился еще больше. Рядчик ругнул его раз <сукиным сыном>, Лизун тотчас же отвечал: "Сам съешь". Наконец стали считаться. Хозяйка принесла счета, но Лизун уже в голове расчел все по дням, и все было так точно верно. Только спор был о том, что рядчик хотел за прогул вычесть два дня. "Э! брат, Кирилыч, – говорил Лизун, грех тебе будет, нашего брата обидеть можно. Не для заду, а для переду, придется еще поработать у тебя". Рядчик согласился, но Лизун еще просил на водку. "Сослужу еще службу, и Лизуну спасибо скажешь, уж двугривенничек прикинь, Кирилыч. Право. Ну! ребятам, на меня гляючи, веселей у тебя жить будет". Кирилыч на двугривенный не согласился, но так как всех денег следовало 16 р. 70 к., то 30 к. он дал на водку для ровного счета. И это он сделал оттого, что Лизун так его окрутил словами, что при ребятах ему хотелось показать, что он рассчитывает без прижимки. "Давай деньги". У Кирилыча была только 50 р. бумажка. Он поверил ее Лизуну, и тот, завязав ее в угол платка и положив платок в шляпу, пошел в кабак разменять.

– Что топором, что языком, куды ловок малый, – сказал рядчик хозяину, когда Лизун ушел. Другие ребята тоже стали считаться. Они не были так ловки, и с ними хозяин совсем иначе обратился; одного он вовсе обсчитал на три двугривенных, а другому вовсе не дал денег. Хоть у него зажитых было 25 рублей и нужда была крайняя.

4

Как скотина из улицы разбрелась по дворам и разместилась по клетям, каждая штука в свое место, так и народ с разных сторон, кто с пашни, кто с моста (там плотники работали), кто с поля, кто из денного, разобрался каждый в свое место.

Молодой мужик-плотник (у него на кушаке за спиной вместе был связан армяк, полусажень и топор) подошел к угловому дому, от проулка, и спросил хозяина.

– Ермил Антоныч или не бывал еще?

– Еще с утра в Засеку на покос с ребятами поехал, скоро приедут, я чай. Ты чей, родной? Кажись, ясенской? – спросила старуха. Она была вдова, сестра хозяина.

– Мы плотники с моста, – отвечал плотик. – Бабы на барщине, что ль?

– Слышь, играют, – сказала старуха.

Хоровод с песнями приближался по дороге, за оврагом краснелась толпа баб и девок. Плотник пошел за угол.

Из-под горы поднимался мужик с поля. Он сидел боком на лошади, запряженной в сохе, жеребенок-стригун бежал сзади. Мужик этот [был] Гараська, старший сын старика Капыла. Герасим с утра выехал в поле, на дальнюю пашню. У них там три осьминника было незапаханных, и отец велел ему их запахать до вечера, а коли тяжело кобыле будет, так хуть 2. Герасим выехал рано; пашня была на западе с сырцой; сошники он переладил и поперил дома и к вечеру запахал все три. Кто сам не пахал, тот не знает, как тело легко и душа весела, когда от зари до зари, один, борозда за бороздой, подвигался на пашне, и работа спорилась, и дошел до другого края, и борозда скосилась на угол, и уголок вывертел и подвязал сволока, подстелил под ж... армяк и вовремя поехал к дому, по пыли дороги бороздя за собой две черты сволоками, и по дороге домой со всех сторон попадают мужики и бабы, и со всеми весело шутится, как знаешь, что дело сделано, на пашню ворочаться уже незачем до Ильина дни.

Герасим побалтывал ногой, обутой новым лаптем, по оглобле и пел песню. Завидев хоровод баб, он почесал голову, замолчал и усмехнулся. Хоть и женат был Герасим, а любил баб молодых. Увидав плотника, Герасим скинул поджатую ногу с спины лошади и соскочил. "А! Лизун! <черт тебя возьми, что рано с работы сошел, аль домой> курвин сын, аль расчет взял, косушку поставить хочешь! - Герасим засмеялся и треснул Лизана по спине кнутовищем, - то-то бы выпили, <умаялся целый день пахамши> с работы-то".

5

Это было в субботу в самые петровки. Уборка сена была такая, что старики не запомнят. Не сено, а чай в стога клали. Крестьянские луга почти все были убраны, оставался один кочак. Не больше как на день миру косьбы. Господские луга тоже больше половины уже подкошены были. Дни стояли такие красные, жаркие, - что с утра по росе подкосят, к вечеру в валы гребь, а на другой день хоть в стога кидай, и на небе ни тучки. А все народ, сколько мог, торопился за погоду убираться. И приказчик очень хлопотал барское убирать, с утра до ночи с бабами, красный стал, пот градом катится, рубаха расстегнута, все кричит, все с палкой около баб ходит, с тела спал. Хоть не свое, а хозяйственное дело, как возьмешься за него, так не заснешь покойно, покуда не кончишь. Не ты дело делаешь, а дело тебя за собой тянет. Бог же дал в это лето, что было что косить, и грести, и возить. На тягло возов по 6 убрали, да еще в кочаке такая трава стояла, что на низу не пролезешь. Кроме покосов, тут же и пахота подоспела, а пахота крепка была, так что кто за погодой не успел, так сошники ломали и лошадей надсаживали на пашне.

В селе целый день было пусто, все были на работе, нешто какая баба хворая дома рубахи на пруду стирала или холсты стелила, да старики и старухи с мальыми ребятами.

Только на барском дворе, за прудом, народ дома был. Там, известное дело, как господа дома, - покос не покос, уборка не уборка: холопи, кучера, повара, садовники, дворовые - все одно дело делают. Дело не делай, а от дела не бегай.

Пастухи свое время не пропустят; только солнышко стало за лес закатываться, уж завиднелась пыль по большой дороге и слышалась скотина. Скотина ходила по отаве и в неделю совсем другая стала - повеселела. Скотина в деревне все одно что часы в городе. Прогнали скотину, значит, пора и всем домой в деревню. Ребята слышали скотину, переловили лошадей и поехали домой из денного. Бабы на барщине у выборного отпросились и с граблями за плечами пошли хороводом к дому. Мужики, кто дома на своей пашне пахал, подвязали сволоки, перевернули сохи и поехали домой. Косцы подняли армяки и кувшинчики и пошли домой, у богатых мужиков бабы покидали дров в печурку, чтоб согреть похлебку на ужин.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Отрывки рассказов из деревенской жизни. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!